АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БАГГОВУТЪ,

генералъ отъ кавалеріи.

Род. въ 1806 г. † 2-го мая 1883 г.

Записки и очеркъ его жизни.

Въ маѣ 1883 года, 2-го дня, въ С.-Петербургѣ, въ домѣ капитула орденовъ, что на Гагаринской улицѣ, скончался генералъ отъ кавалеріи Александръ Ѳедоровичъ Багговутъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ боевыхъ генераловъ Россіи.

Восемь лѣтъ предъ симъ, именно въ мартѣ 1875 года, въ залѣ гостинницы Демутъ, многочисленными сослуживцами и почитателями А. Ѳ. Багговута чествовался пятидесятилѣтній юбилей доблестной службы его, въ рядахъ славной русской арміи. Въ числѣ присутствовавшихъ на этомъ празднествѣ, находились: маститый военный историкъ М. И. Богдановичъ, бывшій туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ, генералъ-адъютантъ Н. Ѳ. Козлянинovъ, одинъ изъ защитниковъ Севастополя, и другія лица, произнесшія много рѣчей и провозгласившія единодушно принятые тосты въ честь почтеннаго юбиляра и его боевыхъ подвиговъ.

Мѣсяцъ спустя, послѣ этого юбилея, именно въ апрѣлѣ 1875 года, А. Ѳ. Багговутъ посѣтилъ Г. К. Градовскаго и передалъ ему запечатанный конвертъ, при слѣдующей запискѣ:

«Многоуважаемый Григорій Константиновичъ! Разбирая старыя бумаги, нашелъ лѣтъ 45 тому назадъ набросанныя замѣтки о персидской кампаніи.

«Если вы найдете что-либо интереснаго, то, исправивъ слогъ, послѣ моей смерти пустите въ печать. Когда я это писалъ, мнѣ было тогда 22 года; теперь мнѣ 69. А. Багговутъ».

„18-го апрѣля 1875 года“.

Выполняя возложенный на него завѣтъ, Г. К. Градовскій, въ день смерти А. Ѳ. Багговута, вскрылъ оставленный ему покойнымъ пакетъ и, просмотрѣвъ содержащіяся въ немъ бумаги, доставилъ ихъ въ редакцію «Русской Старины», предложивъ напечатать ихъ на страницахъ нашего изданія.

Съ удовольствіемъ исполняемъ это предложеніе.

Записки А. Ѳ. Багговута, какъ оказалось при разборѣ ихъ, обнимаютъ періодъ 1825—1831 гг. и касаются не только персидской кампаніи, но и предшествовавшихъ ей декабрьскихъ событій 1825 года, похода своднаго гвардейскаго полка на Кавказъ, возвращенія его въ Петербургъ и, наконецъ, послѣдовавшей затѣмъ польской кампаніи 1831 года. Въ такомъ порядкѣ матеріалы эти, заключающіе довольно много интереснаго, предлагаются вниманію нашихъ читателей. Кромѣ того, желая представить возможно болѣе полный очеркъ боевой дѣятельности А. Ѳ. Багговута, мы напечатаемъ, въ дополненіе его записокъ, составленный Г. К. Градовскимъ обзоръ дальнѣйшей жизни этого генерала, главнѣйшіе военные подвиги котораго относятся къ достопамятной восточной войнѣ, 1853—1855 годовъ.

Въ видѣ предисловія ко всему этому, помѣщаемъ здѣсь слѣдующую автобіографическую замѣтку, писанную собственноручно А. Ѳ. Багговутомъ и приложенную имъ къ своимъ Запискамъ:

«Вступилъ на службу въ 1825 году въ лейбъ-гвардію Московскій полкъ — прапорщикомъ. Выступилъ съ полкомъ на Кавказъ въ 1826 году. Участвовалъ въ войнѣ противъ персіанъ; находился въ безсмѣнныхъ ординарцахъ при наслѣдномъ принцѣ персидскомъ Аббасъ-Мирзѣ. Во время войны въ Азіатской Турціи — находился при взятіи штурмомъ крѣпости Карса.

«Во время персидской войны былъ при взятіи штурмомъ крѣпости Эривани, при осадахъ крѣпостей Аббасъ-Абада и Сердарь-Абада, въ генеральномъ сраженіи при Елизаветполѣ и Джеванъ-Булахѣ.

«Въ 1831 году, въ генеральныхъ сраженіяхъ подъ Варшавою, при Ваврской корчмѣ, въ генеральномъ сраженіи подъ Гроховымъ. Въ семъ сраженіи раненъ въ голову пулею, съ раздробленіемъ черепа, въ лѣвую ногу — картечью, съ раздробленіемъ кости выше колѣна, пулею въ плечо и контуженъ ядромъ въ бокъ.

«Въ венгерской кампаніи командовалъ гусарскою бригадою и авангардомъ 2-го пѣхотнаго корпуса, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Самосомъ, подъ Вайценомъ, подъ Туромъ и Дебречиномъ.

«На Кавказѣ—противъ Шамиля, на лѣвомъ флангѣ, подъ начальствомъ князей Воронцова и Барятинскаго.

«Въ Азіатской Турціи—въ генеральныхъ сраженіяхъ подъ Башъ-

Кадыкъ-Ларомъ и Кюрюкъ-Дара; въ этомъ сраженіи контуженъ въ ногу осколкомъ гранаты.

«Въ послѣдней польской революціи (1863 г.) командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, командовалъ 3-ею кавалерійскою дивизіею и временно 4-ю кавалерійскою дивизіею; состоялъ въ распоряженіи командующаго войсками кіевскаго военнаго округа. Нынѣ—членъ капитула орденовъ.

«Военныя награды: «золотая сабля, украшенная бриліантами, орденъ св. Георгія 3-й ст. и другіе (ордена) съ мечами».

Остается присовокупить еще, что А. Ѳ. Багговутъ, какъ можно заключить изъ его записки, писанной къ Г. К. Градовскому въ апрѣлѣ 1875 года, родился въ 1806 году и умеръ, слѣдовательно, на 77-мъ году жизни. Въ біографическихъ данныхъ объ А. Ѳ. Багговутѣ, современныхъ войнѣ 1853—1855 гг., дѣйствительно сказано, что онъ «родился въ Кронштадтѣ, 27-го декабря 1806 года, и, поступивъ на тринадцатомъ году отъ рожденія въ 1-й кадетскій корпусъ, былъ выпущенъ оттуда, 19-го марта 1825 года, прапорщикомъ въ л.-гв. Московскій полкъ». Отецъ А. Ѳ. Багговута, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Багговутъ, умершій въ 1811 году, служилъ по таможенному вѣдомству; но въ молодости былъ военнымъ и перешелъ въ гражданское вѣдомство въ чинѣ маіора, послѣ отличій, оказанныхъ при штурмѣ Очакова, въ 1788 году, когда онъ первый взошелъ на стѣны Гассанъ-Пашинскаго замка и потомъ, не смотря на полученную контузію, взялъ одну изъ ближайшихъ къ замку турецкихъ батарей.

Извѣстный генералъ 1812-го года, Карлъ Ѳедоровичъ Багговутъ, убитый подъ Тарутинымъ, доводился роднымъ дядей Александру Ѳедоровичу.

Родъ Багговутовъ происходитъ изъ Норвегіи, откуда, въ половинѣ XVI столѣтія, онъ перешелъ въ Швецію, а затѣмъ въ Эстляндію. Фамилія эта пишется и выговаривается: Баггегуфвудтъ (Baggehufwudt); но въ русскихъ письменныхъ актахъ она получила сокращеніе и упрощеніе: Багговутъ.

Ред.

Меррекюль.
24-го августа 1883 г.

I.

14-го декабря 1825 г.

(Отъ) второго баталіона 2-й гренадерской роты (л.-гв. Московскаго полка) 13-го декабря 1825 г. вступилъ (я) въ караулъ въ л.-гв. Семеновскій гошпиталь; получилъ словесное приказаніе отъ командира 1-го баталіона 3-й роты капитана (Мих. Александр.) Бестужева, одного изъ главныхъ заговорщиковъ 14-го декабря, что «по случаю ожиданія въ столицу изъ Варшавы государя Константина Павловича, (которому принесена присяга 26-го ноября 1825 г.), быть крайне осторожнымъ; въ приказаніи было подтверждено, что великій князь Николай Павловичъ замышляетъ противъ законнаго монарха. Мраморный дворецъ всякій вечеръ освѣщенъ. Фельдъегеря, курьеры летаютъ изъ Петербурга въ Варшаву и обратно; надобно быть осторожнымъ, исполнять свои обязанности; въ случаѣ какихъ-либо переворотовъ оставаться вѣрнымъ своему знамени, царю и отечеству. «Вы, Баггоутъ, молодой юноша; покажите себя достойнымъ быть гвардейскимъ офицеромъ».

Точныя слова и наставленіе дежурнаго по карауламъ 4-го отдѣленія.

Простоявъ цѣлый день, къ вечеру зашелъ ко мнѣ корпусный мой товарищъ Еврейновъ, который передалъ разные городскіе толки, бросавшіе дурную тѣнь на великаго князя Николая Павловича.

Въ полночь, дежурный по карауламъ повѣрилъ расходъ часовыхъ, зашелъ въ караульный домъ, просилъ дать стаканъ чаю и закурилъ сигару и съ подробностями сталъ передавать мнѣ интриги (!) великаго князя противу Константина Павловича.

Мнѣ было тогда 18 лѣтъ; воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ, со дня производства въ офицеры жилъ на Васильевскомъ островѣ совмѣстно съ матерью моею, женщиною съ ограниченнымъ состояніемъ, и потому кругъ ея и моихъ знакомыхъ былъ чрезвычайно малъ. Въ полкъ являлся только по службѣ. Былъ чуждъ всякимъ городскимъ толкамъ, которые переходили съ разными толкованіями изъ устъ въ уста Петербургской публики. По этимъ обстоятельствамъ наставленія капитана Бестужева произвели не малый хаосъ въ молодой моей головѣ.

На слѣдующее утро, 14-го декабря 1825 г., вышедъ на плацъ-форму моего караула, увидѣвъ полкового адъютанта л.-г. Семеновскаго полка верхомъ, въ полной парадной формѣ, послалъ вѣстового въ полковую канцелярію узнать, какой праздникъ. Посланный, вернувшись, объявилъ, что полкъ выходитъ изъ казармъ, чтобы присягать государю Николаю Павловичу. Спустя нѣсколько времени, стремглавъ приска-

калъ въ саняхъ поручикъ Неѣловъ, братъ моего баталіоннаго командира, полковника Неѣлова, съ приказаніемъ: «ни кому не присягать, никакихъ приказаній не исполнять, кромѣ приказаній за подписью полковника А. Д. Неѣлова», нынѣ генералъ отъ инфантеріи, и какъ капитаномъ княземъ Шепинымъ-Ростовскимъ были ранены генералъ Шеншинъ и полковой командиръ Фредерихсъ, равно полковникъ Хвощинскій, то Неѣловъ, какъ старшій въ полку, разсылалъ приказанія молодымъ, въ карауле стоящимъ, офицерамъ. Семеновскій полкъ принялъ присягу предъ моимъ карауломъ. Предложеніе командира Шипова принесть присягу я отвергъ. Въ 12 часовъ прибылъ ко мнѣ со священникомъ плацъ-маіоръ полковникъ Болдаревъ; всѣ его старанія, даже угрозы принять присягу были тщетны. Солдаты мои повиновались мнѣ. Къ 2 часамъ прибыла фурштатская команда съ плацъ-адъютантомъ смѣнить меня и съ запискою отъ Неѣлова смѣниться съ караула и прибыть въ полкъ; прибывъ въ полкъ, въ полковой церкви (я) присягалъ съ разными командами, которыхъ приказано было присоединить къ полку на Петровской площади подлѣ строющагося Исакіевскаго собора.

Съ этою командою прибылъ въ то время, когда генералъ Орловъ съ коннымъ полкомъ атаковалъ каре бунтующихъ.

По окончаніи дня 14-го декабря 1825 г. бивуаками расположились на занимаемыхъ мѣстахъ. Отъ высочайшаго двора гг. офицерамъ присланъ былъ чай и холодный ужинъ. Что было, то прошло; описывать подробно произшествія этого дня не берусь, хотя какъ очевидецъ и отчасти участникъ—много видѣлъ и слышалъ.

На другой день утромъ послѣ уборки тѣлъ, отчистки крови, молодой императоръ Николай I благодарилъ вѣрныхъ за вѣрность, пропустилъ гвардію церемоніальнымъ маршемъ. Полки вошли въ казармы, строгость была какъ въ военное время. Допросы, запросы, очныя ставки между офицерами, которые дежурили по ротно, не выходя изъ казармъ; были разныя экзекуціи и т. п.

II.

Походъ на Кавказъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1826 г. е. и. в. в. кн. Михаилъ Павловичъ, дивизіонный мой начальникъ, собравъ (л.-гв. Московскій) полкъ, объявилъ высочайшее повелѣніе, что составъ баталіонный изъ трехъ ротъ и одной роты Черниговскаго пѣхотнаго полка, за вѣрность переведенной въ л.-гв. Московскій полкъ, назначенъ идти на Кавказъ, трудами, военно-боевою службою заслужить проступокъ. Надобно было назна-

чить офицеровъ. Дѣло щекотливое. Ротные командиры, равно и нѣкоторые офицеры полка заключены были въ крѣпость и подъ разные караулы; ихъ надобно было замѣнить офицерами, непричастными къ заговору, и когда по списку стали вызывать, то произошелъ нѣкоторый ропотъ, который вдругъ утихъ, когда я обратился съ просьбою къ полковнику Хвощинскому доложить его высочеству, что я добровольно желаю идти охотникомъ на Кавказъ. Великій князь радостно принялъ мой вызовъ, передъ баталіономъ цѣловалъ меня. Моему примѣру воспослѣдовали поручики: Озерецковскій, Веригинъ, Вороной и Тетеревниковъ. Составленъ былъ сводный гвардейскій полкъ: изъ одного баталіона Московскаго и Гренадерскаго полковъ подъ командою л.-г. Преображенскаго полка полковника Шипова. 1-мъ баталіономъ командовалъ флигель-адъютантъ Хвощинскій, а 2-мъ полковникъ Шебека.

Полкъ въ составѣ двухъ баталіоновъ выступилъ 21-го февраля, дошелъ до Рыбинска; на удобныхъ перестроенныхъ 9-ти баркахъ спустился по Волгѣ до Астрахани; на мелкихъ судахъ доплыли до Швизруковской пристани; вышедъ на берегъ Каспійскаго моря, прошли городъ Кизляръ и получили приказаніе отъ главнокомандующаго на Кавказѣ, генерала Алексѣя Петровича Ермолова, что, по случаю вторженія персіянъ въ наши предѣлы, мы должны идти форсированными маршами въ Тифлисъ. Такой походъ для насъ гвардейцевъ былъ новый и трудный, но который былъ выполненъ съ большою быстротою, безъ больныхъ и усталыхъ. Походъ замѣчательный. Мы шли такимъ образомъ: пройдя 20 верстъ, варили кашу, 20 верстъ—ужинъ, смотря по мѣстности, а главное соображаясь съ водою, чтобы людямъ возможно было купаться. Мы дѣлали до 60 верстъ въ 24 часа со всѣмъ обозомъ.

III.

Осада Эриванп.

Находясь безсмѣннымъ ординарцемъ при полковомъ командирѣ, я несъ обязанности личнаго адъютанта. Здоровое тѣлосложеніе и молодость способствовали выполнять разнородныя трудныя порученія, какъ на квартирахъ, такъ и въ походахъ, въ сраженіяхъ и при осадахъ крѣпостей. Службу я несъ болѣе другихъ моихъ товарищей. Напримѣръ, въ сраженіи подъ Джевенъ-Булахомъ Паскевичъ послалъ меня къ полковнику Раевскому, командиру Нижегородскаго драгунскаго

полка, съ приказаніемъ атаковать лѣвый флангъ непріятеля; я пошелъ съ полкомъ въ атаку, врубился въ массу персидской кавалеріи, и еслибъ моя лошадь не была бы ранена пулею въ шею подъ горло, то взялъ бы знамя, которое взялъ поручикъ Левковичъ (съ георгіевскимъ крестомъ).

Подъ Сердарь-Абасомъ днемъ, по указанію полкового командира, подъ сильнымъ огнемъ поставилъ демонтиръ-батарею; а когда сердарь Эриванскій бросилъ крѣпость и поспѣшилъ въ Эривань, я присоединился къ уланамъ и преслѣдовалъ персіянъ. Подъ Эриванью, 29-го сентября 1827 г., по жребію, мнѣ досталась честь съ двумя выборными солдатами, подъ выстрѣлами нашихъ батарей навѣсно, ползкомъ идти къ крѣпости измѣрить лотомъ глубину рва и высмотрѣть намѣреніе непріятеля. Порученіе исполнилъ хорошо, вернулся съ однимъ солдатомъ, другой былъ убитъ осколкомъ бомбы. На слѣдующій день ночью, при короновании гласиса, два взвода полка находились въ прикрытіи, (подпоручики Тетеревниковъ и Окуневъ), летучія сапы персіянъ замѣтили, думали, что идемъ на штурмъ; баталіоны, равно какъ крѣпостныя и легкія орудія, подвинутыя къ брешу, открыли страшный огонь по нашимъ траншеямъ. Упомянутые два взвода были оставлены на жертву; чтобы спасти ихъ, былъ посланъ изъ траншей прямо по направлевію къ взводамъ, чтобы вернуть ихъ въ траншеи. Порученіе это исполнилъ удачно, получилъ личную благодарность отъ Паскевича и, по данной ему власти, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Часа черезъ два огонь прекратился; полковникъ Шиповъ отпустилъ меня въ лагерь, чтобы перемѣнить одежду, ибо при отступленіи бомба упала, лопнула близь меня, я упалъ въ ручей, былъ весь мокрый, ушибленъ и усталый.

1-го октября 1827 г., рано утромъ, поскакалъ къ полку; прибылъ въ то время, когда Эриванскій гарнизонъ сдѣлалъ въ крѣпости возмущеніе; на нѣкоторыхъ бастіонахъ показались бѣлые флаги, съ другихъ продолжали осыпать насъ ядрами, картечью и ружейнымъ огнемъ; этимъ обстоятельствомъ воспользовался Паскевичъ, послалъ штурмовать. Войска наши двинулись, мнѣ дали 30 человѣкъ охотниковъ, съ которыми спустился въ ровъ противъ бреши, но видя невозможность проникнуть, повернулъ вправо къ крѣпостнымъ воротамъ, заваленнымъ землею и бревнами; въ то самое время, когда я взошелъ на возвышеніе и смотрѣлъ въ отверстіе крѣпостныхъ воротъ, прибылъ съ дивизіею генералъ-адъютантъ Красовскій, который лично съ охотниками, подъ командою поручика Бѣлова, вскочили тоже на возвышеніе, чтобы принять рѣшительныя мѣры; съ Бѣловымъ я былъ знакомъ; онъ отклонилъ мою голову, чтобы посмотрѣть

въ отверстіе воротъ, въ этотъ моментъ раздался выстрѣлъ изъ пушки, ядро оторвало Бѣлову голову и прошло по головамъ нашихъ охотниковъ, Бѣловъ принялъ за меня смерть, его дымящаяся кровь и мозгъ обрызгали меня, знаки пороха до сихъ поръ у меня на лбу. Съ охотниками ворвались въ крѣпость по узкимъ улицамъ подъ перекрестнымъ огнемъ; штыками проложили себѣ дорогу до дворца сердаря Эриванскаго; взялъ коменданта въ плѣнъ, а солдаты начали грабить дворецъ; страхъ и ужасъ овладѣлъ обитателей дворца, но не надолго: мы возстановили порядокъ: къ 10 часамъ крѣпость была занята нашими войсками. Русскія знамена развѣвались надъ грозною крѣпостью—опора и гордость персіянъ.

Паскевичъ послалъ съ донесеніемъ къ государю императору о взятіи крѣпости Эривани л.-гв. сапернаго баталіона шт.-кап. Бухмейера, который отправился подъ сильнымъ конвоемъ въ Тифлисъ; находясь уже въ пути болѣе 30 часовъ, тогда вспомнили, что забыли вручить ему ключи крѣпости и саблю сердаря Эриванскаго. Чтобы поправить эту ошибку, Паскевичъ призвалъ меня къ себѣ, приказалъ во что бы то ни стало догнать Бухмейера. Мнѣ дали деньги, подорожную и предписаніе всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальникамъ, подъ самою строгою военною отвѣтственностію, способствовать мнѣ къ выполненію возложеннаго на меня порученія. Къ подорожной приложили большую печать главнокомандующаго; въ конвой дали 15 отборныхъ линейныхъ казаковъ съ подручными лошадьми. Чтобы выиграть время, я пустился прямою дорогою къ горѣ Ала-Гезъ, оставя Ечміадзинскій монастырь и Баранъ-Поль влѣво. Съ большими усиліями, безъ дорогъ, по непроходимымъ мѣстамъ, въ непріятельской землѣ я догналъ Бухмейера по большой Тифлисской дорогѣ; получилъ отъ него росписку и вернулся къ войскамъ на походѣ къ Тавризу. Паскевичъ былъ доволенъ, приказалъ оставить мнѣ данныя на дорогу деньги и подарилъ мнѣ одну изъ лошадей сѣдла сердаря Гассанъ-хана, коменданта Эриванскаго.

IV.

Ночное происшествіе.

Послѣ сраженія подъ Джеванъ-Булыхомъ и взятіи крѣпости Абасъ-Абада, Паскевичъ съ войсками сталъ недалеко отъ Нахичевани въ горахъ Кара-Бабы, узналъ о движеніяхъ Абаса-мирзы къ Ечміадзинскому монастырю. Мы оставили въ концѣ августа лагерь подъ Кара-Бабы, пошли форсированными маршами на встрѣчу Красовскому, прикрывавшему осадную артиллерію и матеріалы для обложенія Эри-

вани. На пути узнали о пораженіи Красовскаго подъ самыми стѣнами монастыря. Во время палящаго жара, въ безводномъ краю, персіяне прибѣгли къ хитрости: пропустили черезъ дороги воду, по которымъ должна проходить дивизія Красовскаго; потребность утолить жажду превозмогла строгость дисциплины: ни убѣжденія, ни угрозы, ничто не помогало: солдаты какъ безумные бросались къ водѣ. Когда порядокъ строя разрушился, тогда персіяне атаковали Красовскаго, перерѣзали до 1,200 человѣкъ, но артиллерія и другія части дошли подъ защиту стѣнъ Ечміадзинскаго монастыря. Паскевичъ хотѣлъ заградить дорогу Абасу-мирзѣ, но непроходимыя болота между русскими и персіянами воспрепятствовали. Абасъ-мирза направился къ Арарату, удовольствовавшись побѣдою надъ Красовскимъ въ большихъ силахъ, но избѣгая встрѣчи съ Паскевичемъ.

Девяти-недѣльный лагерь въ Кара-Бабѣ утомилъ наши войска; желудочная лихорадка, въ родѣ холеры, похитила у насъ четвертую часть. Мы были лишены необходимыхъ потребностей лагерной жизни, какъ-то: чаю, сахару, хлѣба; офицерамъ раздавали ежедневную пропорцію: фунтъ мяса и фунтъ сухарей; запасы истощились до того, что платили по 40 руб. ас. за фунтъ сахару и 60 руб. за фунтъ чаю; кислое молоко съ водою и хлѣбъ были роскошь; подвозы къ арміи были атакованы и уничтожены персіянами и куртинцами; вино и водка выпущены; чтобы сильнѣй выразить общій недостатокъ—упомяну объ обѣдѣ, данномъ въ день коронаціи 22-го августа Паскевичемъ генералитету и гвардейскимъ офицерамъ: онъ состоялъ изъ обильнаго числа моченыхъ и вкусныхъ черныхъ солдатскихъ сухарей, супу изъ баранины, пилава и жареной баранины; за здоровье его величества пили шампанское первенствующія лица, ибо его купить нельзя было; впослѣдствіи подвезли въ лагерь шампанское, его пили, но шипучее вино имѣло пагубное вліяніе на тощіе наши желудки. Вообще въ этотъ лагерь терпѣли отъ зноя, мухъ, фаланговъ, тарантуловъ, скорпіоновъ, разнородныхъ змѣй и разнородныхъ гадовъ. Прибывъ въ Ечміадзинскій монастырь, намъ казалось, что мы попали въ рай. Тамъ мы нашли резервы нашихъ маркитантовъ и, подобно войскамъ Красовскаго, прилегли къ бутылкамъ, къ яствамъ, но безъ нарушенія воинской дисциплины.

Черезъ нѣсколько дней отрядъ перешелъ верстъ 15 на выгодное для пастбища и воды мѣсто. Главная квартира осталась въ монастырѣ и около онаго. Съ новаго бивуака вечеромъ Шиповъ послалъ меня за приказаніемъ къ начальнику штаба, графу Сухтелену; какъ посылка была спѣшная, то я сѣлъ на лучшую свою лошадь, поѣхалъ малою рысью по направленію къ монастырской колокольнѣ, отъѣхалъ

верстъ пять; разразилась гроза, ночь сдѣлалась до такой степени темною, что въ 5-ти шагахъ ничего не видно; сперва ѣхалъ цѣликомъ, потомъ попалъ на тропинку. Досадуя на неудачу, я усилилъ ходъ моего быстраго коня,—напалъ на другую дорогу, потомъ дороги стали сходиться, сбился. Въ недоумѣніи вздумалъ положиться на способность моего бодраго боевого товарища, но лошадь взяла другое направленіе. Такимъ образомъ одинъ бродилъ я, но потомъ подъѣхалъ къ оставленной жителями деревушки, въ которую не рѣшился въѣхать. По моему расчету я былъ въ дорогѣ часовъ 5, и по движенію коня проѣхалъ верстъ 25; надобно было на что нибудь рѣшиться. Повернулъ лошадь вправо отъ деревни, пріѣхалъ къ рѣкѣ, которая, какъ мнѣ казалось, была Занча, подъ самою крѣпостью Эривани; отъ нея повернулъ снова вправо—заѣхалъ въ болото, тутъ выбралъ удобное для корма лошади мѣсто и сталъ пасти коня, ожидая разсвѣта, когда показалась утренняя заря и сообразилъ, что нахожусь подъ крѣпостью. Вправо отъ меня озолотились снѣговыя вершины Арарата, рѣшился отъ Арарата скакать вправо на Ечміадзинъ. Сѣвъ на коня отдохнувшаго, напоеннаго струями Занча и напитавшагося тучнымъ кормомъ, я выѣхалъ изъ болота, но въ сторонѣ отъ меня находился спѣшенный конный пикетъ (непріятеля) съ однимъ верховымъ часовымъ. Немедленно сдѣлалась тревога, открыли по мнѣ пальбу, но пока пикетъ подтянулъ подпруги, замундштучили и сняли путы съ ногъ, я успѣлъ выѣхать на возвышеніе, чтобы взять прямое направленіе на монастырь, въ 18-ти верстахъ отъ меня видѣнный. Куртинцы пустились съ крикомъ и съ пальбою вслѣдъ за мною, но благодаря быстротѣ, смѣтливости и вѣрности моего извѣстнаго тогда въ корпусѣ коня подъ названіемъ Джеханъ (дикая коза), Господу Богу благоугодно было, чтобы я благополучно подъѣхалъ къ монастырю. Куртинцы оставили преслѣдованіе при моемъ приближеніи къ казачьему разъѣзду. За это происшествіе получилъ я серьезный выговоръ и какъ по моей службѣ и разъѣздамъ я бы не подвергался такимъ безполезнымъ опасностямъ приказано было дать мнѣ въ провожатые одного хорошаго опытнаго линейнаго казака Ивана Зладѣева.

V.

Дей-Карганъ.

По занятіи Тавриза часть войскъ отправилась для мирныхъ переговоровъ (съ Абасомъ-мирзою) съ наслѣдникомъ персидскаго престола. Въ составъ этихъ войскъ при главной квартирѣ былъ л.-гв. сводный полкъ. Наслѣдникъ персидскаго престола прибылъ въ Дей-

Карганъ 2-го ноября (1827 г.). Ему выѣхалъ на встрѣчу генералъ Бенкендорфъ съ уланскимъ и казачьимъ полками, баталіономъ пѣхоты и двумя орудіями казачей артиллеріи. Принцъ имѣлъ свиту изъ 150-ти человѣкъ.

Прибытіе наслѣдника персидскаго престола для переговоровъ въ русскій лагерь—фактъ историческій и рѣдкій, дѣлающій честь русскому орлу. Бенкендорфу поручено было принять высокую особу; съ малымъ конвоемъ выѣхалъ онъ въ деревню Чевистеръ, а отрядъ выстроился по большой дорогѣ въ одной верстѣ отъ Чевистеръ. Абасъ-мирза въ сопровожденіи Фетъ-Али-хана, храбраго воина, любимца принца, и военнаго генералъ-губернатора и коменданта Тавриза, двухъ англійскихъ офицеровъ и двухъ нукеровъ или grooms.

Принцъ подъѣхалъ къ выстроеннымъ войскамъ, привѣтствовалъ ихъ на русскомъ языкѣ, проѣхалъ по фронту. Подавъ руку Бенкендорфу, сказалъ: «радъ во время переговоровъ о мирѣ ближе познакомиться съ тѣмъ, который во время войны противъ меня такъ славно владѣлъ саблею». Графу Толстому, флигель-адъютанту, полковнику, тоже сказалъ привѣтствіе, потомъ съ спокойною гордостію прибавилъ: «потребно много времени, чтобы сформировать воинственную націю; ваши плоды созрѣли, мы еще далеко отстоимъ отъ васъ; но имѣя противъ себя такихъ опытныхъ, стройныхъ, храбрыхъ и благородныхъ противниковъ, мы пріобрѣли многое, что послужитъ моимъ войскамъ урокомъ военнаго ремесла; скажу болѣе, добрые и великодушные друзья, я надѣюсь, какъ отъ души желаю, что мы впредь останемся друзьями. Но какъ бы то ни было не покажется ли вамъ страннымъ, (*улыбнувшись*), что я, будущій монархъ, дѣлаю вамъ визитъ здѣсь, на этихъ поляхъ».

Абасъ-мирза просилъ Бенкендорфа показать ему войска; уланы ему очень понравились, но когда увидалъ пѣхотные ранцы, то, покачавъ головою, сказалъ: «удивляюсь, какъ могутъ эти люди носить такую тяжесть въ жаръ и продолжительность маршей: вѣсъ этого мѣшка составляетъ весь вьюкъ моего кавалериста». Казачья артиллерія обратила на себя вниманіе. Абасъ-мирза подробно осмотрѣлъ орудія. Жители деревень, привлеченные любопытствомъ поклониться законному наслѣднику, молча, со страхомъ глядѣли на враговъ. 300 всадниковъ на отличнѣйшихъ лошадяхъ были выстроены на другой сторонѣ дороги, противъ нашихъ войскъ, подъ начальствомъ красиваго молодого человѣка 16-ти лѣтъ, сына Абасъ-мирзы, Хозревъ-мирзы. Эти воины бросали вокругъ себя взоры, въ которыхъ выражалось оскорбленное самолюбіе, униженіе и стыдъ. Не принужденная веселость Абасъ-мирзы составляла разительный контрастъ

противъ мрачныхъ лицъ отборныхъ наѣздниковъ конвоя можетъ быть всего персидскаго государства.

Прошли церемоніальнымъ маршемъ, послѣ котораго отправились въ Дей-Карганъ.

Абасъ-мирза, 4-й сынъ шаха, съ молодыхъ лѣтъ выказывалъ необыкновенныя способности во всѣхъ отрасляхъ военной и гражданской администраціи, былъ любимъ войскомъ и народомъ и по этимъ причинамъ провозглашенъ законнымъ наслѣдникомъ персидскаго престола. Образованіе войскъ по европейски была главная забота принца; ему усердствовали англичане, снабжая всѣмъ, чтобы сформировать регулярныя войска; но Абасъ-мирза боролся со скупостью шаха, который не давалъ ему достаточно денегъ, чтобы достичь цѣли, даже продолжать начатое, хотя англичане давали въ долгъ за проценты и привозили сукна, орудія, аммуницію, даже до мелочей; казалось почему не сформировать въ самодержавномъ государствѣ, гдѣ воля шаха законъ, гдѣ народъ покоряется безъусловно; религіозный фанатизмъ препятствовалъ принцу (ввести) нововведенія. Мало было способныхъ лицъ, окружающихъ наслѣдника, а тѣ, которые могли быть полезными—были на двѣ стороны: угождали принцу, пріобрѣтали богатства и почести, а между тѣмъ держались старой партіи. Принцъ-наслѣдникъ персидскаго престола ничего не могъ сдѣлать одинъ. Посвятивъ 20 лѣтъ дѣятельной жизни, полагалъ, что можетъ бороться съ Россіею: въ 1826 году, собравъ силы, вторгнулся въ Грузію; послѣ многихъ пораженій явился въ главную квартиру главнокомандующаго, генералъ-ад. графа Паскевича-Эриванскаго. Ему было тогда 45 лѣтъ, высокаго роста, очень стройный, умные быстрые глаза, темный смуглый цвѣтъ лица, черные большіе усы и длинная раскладистая борода. Костюмъ его въ этотъ день былъ: папаха, верхняя одежда изъ желтаго канареечнаго цвѣта сукна, опоясанная темною персидскою шалью; короткій персидскій ножъ въ черномъ кожаномъ футлярѣ былъ заткнутъ за шалью, ножъ былъ украшенъ однимъ бриллiантомъ величиною съ ружейную пулю; сабля висѣла на черныхъ ремняхъ безъ всякой оправы, (вѣсъ клинка равнялся вѣсу золота); великолѣпная лошадь была осѣдлана бархатными чепраками, шитыми золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, сбруя кованнаго золота съ драгоцѣнными каменьями. Таковъ былъ въ этотъ день Абасъ-мирза, которому я явился съ ординарцами отъ л.-гв. своднаго полка и, по его желанію, съ этого дня оставленъ при немъ безсмѣннымъ ординарцемъ.

Обязанности мои были: поутру являться съ рапортомъ о состояніи почетнаго караула, одной изъ ротъ нашего полка со знаменемъ;

сопровождать принца на охоту и прогулкахъ. Изъ придворной конюшни принца назначены были для меня двѣ лошади,—одна свѣтло-рыжая туркменской породы, а другой жеребецъ караковый арабской. Обѣдъ имѣлъ отъ кухни принца, часто обѣдалъ у принца Хозрева-мирзы, съ которымъ очень сдружился. Иногда, по приказанію главнокомандующаго, на его счетъ, давалъ вечера съ ужиномъ для свиты Абаса-мирзы. Ля-ханъ, шталмейстеръ его, и нѣкоторые сановники двора, подъ звуки музыки, зурны, пѣсенниковъ, забывали строгость корана: шампанское, въ особенности вареное красное вино съ сахаромъ, ромомъ и спеціями (глинтвейнъ) вкушали, какъ обыкновенный шербетъ.

(Я пробылъ) отъ 2-го ноября по 11-е декабря 1827 г. въ должности безсмѣннаго ординарца. Жизнь велъ разнообразную, шумную, даже разгульную. Меня называлъ мирза Ескандеръ-бекъ или Ордаганъ-Ордаги, что значитъ Багговутъ, переводъ Богга-уточка. Принцы отличали меня, свита любила и уважала.

Былъ общій парадъ, отрядъ былъ значительный. Подъѣхавъ къ полку нашему, принцъ съ восточнымъ краснорѣчіемъ выразился:

— «Россію уподобить можно великому океану; по закону природы, море выбрасываетъ на берегъ свои дурныя части, но на сей разъ законъ природы измѣнился, ибо Россія на берегъ свой выбросила жемчужины войскъ!»

Абасъ-мирза съ сыномъ удостоилъ принять обѣдъ отъ полка. Въ особенной палаткѣ, украшенной разными шалями, сѣли за столъ два принца и Паскевичъ, во второй палаткѣ персидскіе сановники и старшіе генералы главной квартиры, въ 3-й гости обѣихъ націй. Гг. офицеры полка наблюдали за порядкомъ. Обѣдъ былъ изготовленъ русскими и персидскими поварами. Тосты за здоровье шаха, государя Николая I, принца были оглашены криками ура и пальбою изъ орудій. Послѣ обѣда привцъ со вниманіемъ слушалъ хоры пѣсенниковъ, потомъ всѣ участвовавшіе за обѣдомъ верхами провожали принцевъ до занимаемой ими квартиры въ Дей-Карганѣ. Кавалькада была monstre, свита съ конвоемъ принцевъ, свита главнокомандующаго, всѣ вообще офицеры отряда составили общую смѣшанную разнородную пеструю массу, до 2,000 человѣкъ. Кавалерія выстроилось по всему протяженію отъ лагеря до мѣстечка, куда по узкимъ улицамъ могли только въѣхать главныя лица. День оригинальный, незабвенный для тѣхъ, которые участвовали въ этомъ праздненствѣ двухъ націй, которые проливали кровь, которые сошлись трактовать; переговоры продолжались, равно и заготовленія военныхъ запасовъ для продолженія войны, такъ и случилось: переговоры пре-

кратились. Абасъ-мирза уѣхалъ. Полкъ пошелъ къ озеру Урліи въ мѣстечко Бинобъ, простоялъ тамъ, пока заключенъ былъ прочный миръ въ Туркменчаѣ.

Тогда присланы мнѣ были отъ Абасъ-мирзы орденъ Льва и Солнца 2-й ст., алмазами и драгоцѣнными каменьями украшенный, караковый жеребецъ, мой фаворитъ, на которомъ я ѣздилъ въ свитѣ принца, и двѣ шали, какъ знакъ ко мнѣ благоволенія его высочества; подарки эти мнѣ были переданы моимъ пріятелемъ Яя-ханомъ, шталмейстеромъ принца.

VI.

Въ 1828 г.

По заключеніи мира съ персіянами войска возвратились на кантониръ-квартиры; нашъ полкъ занялъ казармы въ Тифлисѣ, на Влобарѣ. Вскорѣ послѣ нашего прибытія, Россія объявила войну туркамъ. Войска кавказскаго корпуса снова стали готовиться къ походу, а л.-гв. сводный полкъ получилъ приказаніе отвезти въ столицу контрибуцію въ 80.000,000 руб. ас. (золотыми слитками), полученную отъ персидскаго правительства по Туркменчайскому миру.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій выступилъ со всѣмъ своимъ штабомъ въ Гумры (нынѣшній Александрополь). Полкъ благодарилъ главнокомандующаго за вниманіе и отличіе, оказанныя частицѣ гвардіи, которая невольно 14-го декабря впала въ проступокъ, но которая усердною службою, трудами впродолженіи трехъ-лѣтняго похода окупила вину. Пока устраивали транспортъ съ золотомъ, л.-гв. Сводный полкъ занималъ караулы въ Тифлисѣ, а обо мнѣ пошло представленіе отъ главнокомандующаго къ е. и. в. в. кн. Михаилу Павловичу о назначеніи меня адъютантомъ къ графу Сухтелену, на что не воспослѣдовало разрѣшенія отъ шефа полка. Между тѣмъ я сопровождалъ въ вояжахъ по всей Грузіи генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Сепягина, а предъ выступленіемъ полка былъ посланъ съ депешами для разъясненія нѣкоторыхъ дѣлъ въ (азіатскую) Турцію въ главную квартиру къ графу Эриванскому, куда прибылъ спустя четыре дня послѣ взятія Карса. Вернулся въ Тифлисъ.

Въ началѣ августа 1828 г. тронулись, имѣя съ собою 70 нанятыхъ перегонныхъ повозокъ съ золотомъ. Мнѣ порученъ былъ особенный транспортъ: онъ состоялъ изъ трона Абасъ-мирзы, взятаго въ Тавризѣ, въ его дворцѣ, знаменитую извѣстность въ ученой азіятской просвѣщенности ардебильскую библіотеку, разные трофеи—знамена и значки, разнаго рода рѣдкое оружіе, картины, (писанныя) масляными

красками, огромныхъ размѣровъ, представляющія церемоніальные выѣзды шаха, религіозныя процессіи, даже мнимыя побѣды, одержанныя надъ русскими въ первые годы владычества Россіи надъ Грузіею, въ командованіе войсками генералами Циціановымъ и Котляревскимъ; 6 пушекъ, вылитыхъ на литейномъ дворѣ въ Тавризѣ во время пребыванія нашего въ семъ городѣ.

Всѣ эти трофеи сдалъ въ Москвѣ въ Оружейную палату, а въ петербургскую публичную библіотеку рѣдкія сочиненія и роскошныя рукописи ардебильской библіотеки.

11-го декабря 1828 г. полкъ вступилъ въ Петербургъ послѣ трехълѣтняго похода.

VII.

Второй періодъ: переходъ въ артиллерію.—Война съ Польшею. 1830—1831 гг.

Ровно два года послѣ персидскаго похода служилъ въ л.-гв. Московскомъ полку, мнѣ было тогда 22 года.—За мою службу шефъ полка, в. кн. Михаилъ Павловичъ ходатайствовалъ о производствѣ въ офицеры изъ кадетъ 1-го корпуса родного брата моего, Карла Ѳедоровича (Багговута), который вступилъ прапорщикомъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

Занимая одну квартиру, мы съ братомъ, въ свободное отъ службы время, стали заниматься науками, нанимали учителей, посѣщали университетъ, гдѣ слушали лекціи разныхъ профессоровъ; эти полезныя занятія дали мнѣ право посвятить себя на полезнѣйшую службу для продолженія хорошо начатой карьеры. И какъ я изъ корпуса въ 1825 г. назначенъ былъ къ выпуску въ 31-ю конную батарею, пошелъ по недостатку офицеровъ въ саперные баталіоны, а въ гвардію назначенъ былъ по личному выбору великаго князя Михаила Павловича, то просилъ перевода въ артиллерію, тѣмъ болѣе, что мнѣ, при ограниченномъ состояніи, трудно было прилично содержать себя (въ гвардіи). Е. высочество шефъ полка благоволилъ ко мнѣ, желалъ удержать въ полку, но послѣ двухъ кратнаго отказа согласился, на условіи, чтобы я сдалъ экзаменъ въ ученомъ артиллерійскомъ комитетѣ.

Въ концѣ ноября 1830 г. кончилъ я экзаменъ, осталась мнѣ одна строевая часть, но вслѣдствіе вспыхнувшаго въ Варшавѣ возмущенія отправленъ былъ въ 6-й пѣхотный корпусъ.

Прибывъ въ декабрѣ въ 6-й пѣхотный или Литовскій корпусъ, по

распоряженію командира онаго, ген.-ад. барона Розена, прикомандированъ къ Самогитскому гренадерскому полку.

Въ январѣ 1831 г., когда прибылъ въ Бѣлостокъ главнокомандующій арміею, ген.-ад. графъ Дибичъ-Забалканскій, со всѣмъ своимъ штабомъ, чтобы двинуться съ войсками противъ Варшавы, я сталъ хлопотать, основываясь на моемъ приготовленіи къ переводу въ артиллерію, быть прикомандированнымъ къ одной изъ батарей Литовскаго корпуса у оберъ-квартирмейстера арміи, ген.-ад. Нейдгарта, который лично меня зналъ, и ген.-ад. Розена, который былъ друженъ съ покойнымъ моимъ дядею, генераломъ Баггоутъ, командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса, убитымъ въ 1812 г. подъ Тарутино. По докладу начальника штаба графа Толстаго графу Дибичу, прикомандированъ я, по недостатку артиллерійскихъ офицеровъ, въ Литовскую гренадерскую № 1-й батарею, съ которою выступилъ за границу, командуя дивизіономъ.

5-го февраля 1831 года находился я съ 4-мя орудіями въ авангардѣ подъ Калушинымъ. Это первый день, гдѣ я дѣйствовалъ со своими орудіями противъ непріятеля, день былъ трудный; составъ людей при орудіяхъ состоялъ изъ солдатъ, не бывалыхъ въ сраженіяхъ, два молодыхъ офицера неопытные въ этотъ день мало мнѣ способствовали, но чувство самолюбія гг. офицеровъ, примѣръ самоотверженія съ моей стороны и пріобрѣтенная мною опытность въ военное время сдѣлали то, что къ концу сраженія сталъ дѣйствовать ввѣренными мнѣ орудіями какъ на маневрахъ. На другой день былъ въ дѣлѣ подъ Минскомъ, а на третій день былъ въ сраженіи у корчмы Вавръ. Батарейному командиру моему, полковнику барону Ренне, поручили командовать резервною артиллеріею. По старшинству офицеровъ я принялъ начальство надъ всей батареей. 7-го числа принялъ участіе со всею батареею, сталъ на позицію противъ непріятельскаго сильнаго артиллерійскаго огня батарей, которую, сбивъ, двигался съ войсками по разнымъ направленіямъ, а къ вечеру, по распоряженію начальника артиллеріи, генерала Шушерина, батарея вышла въ резервъ, дабы пополнить заряды, исправить поврежденія и укомплектовать убитыхъ и раненыхъ людей и лошадей. Войска наши оставались на позиціи съ 7-го по 8-е число, артиллерія поставлена была на возвышеніяхъ противъ Граховской ольховой рощи, занятой поляками.

8-го утромъ открылась канонада по всей линіи, въ особенности съ батарей Литовскаго корпуса, противъ рощи, изъ которой поляки колоннами выходили для атакъ. Въ 7 часовъ утра получилъ я приказаніе, какъ можно поспѣшить идти проселочною дорогою по трудной, почти непроходимой для артиллеріи, дорогѣ, черезъ лѣсъ, на

правый нашъ флангъ, для отраженія собираемой въ большихъ силахъ непріятельской кавалеріи. Чтобы выиграть время, я послалъ 2-й и 3-й ящики по назначенной дорогѣ въ обходъ, посадивъ прислугу на подручныхъ лошадей, справа въ одно орудіе, вдоль нашихъ батарей; подъ защитою конныхъ находился въ виду непріятеля, на полномъ карьерѣ съ нѣкоторою убылью въ людяхъ, довольно благополучно и въ настоящее время (то есть ко времени) прибылъ на угрожаемый нашъ правый флангъ и лишь только выстроилъ батарею, то былъ атакованъ кавалерійскою дивизіею, которую два раза отразилъ, былъ самъ поддержанъ конною дивизіею ген.-ад. графа Владека 30-ю и 31-ю конными батареями; но какъ моя батарея была большого калибра, то дѣйствовалъ ею до самаго вечера съ большимъ результатомъ противъ батарей польскихъ и пѣхоты, покушавшейся выходить изъ рощи; выстрѣлы мои брали непріятеля во флангъ, покушенія непріятеля заставить молчать мою батарею были тщетны, но у меня убыль въ людяхъ и лошадяхъ была до того велика, что изъ одной батареи составленъ дивизіонъ; прочія 4 орудія, пришедшія въ негодность по недостатку въ людяхъ и лошадяхъ, были отправлены въ резервъ, я съ 4-мя орудіями остался на позиціи.

Получилъ благодарность какъ отъ корпуснаго командира, барона Розена, исправляющаго должность начальника артиллеріи, ген.-ад. кн. Горчакова, и начальника артиллеріи 6-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейт. Шушерина. Дѣло 8-го числа дало мнѣ нѣкоторую извѣстность въ арміи; старые артиллеристы отдавали мнѣ справедливость, тѣмъ болѣе, что я тогда еще носилъ мундиръ л.-гв. Московскаго полка и не былъ настоящимъ артиллеристомъ.

Пять дней до 13-го февраля (1831 г.) простоялъ я на крайней передовой позиціи нашихъ войскъ. Обѣ воюющія стороны приготовлялись къ рѣшительному бою, обѣ воюющія стороны пополняли убыли свои, занимались исправленіемъ поврежденій. Главнокомандующій ожидалъ прибытія на правый свой флангъ гренадерскаго корпуса князя Шаховскаго, противъ котораго поляки послали отрядъ, дабы затруднить его движеніе. 14-е число назначено для общаго боя и занятія Варшавы, но утромъ 13-го числа, послѣ пяти-дневнаго отдыха, канонада возгорѣлась съ обѣихъ сторонъ по всему протяженію, занимаемому войсками обѣихъ націй. Ключъ позиціи у поляковъ была Гроховская роща, которую они укрѣпили, воздвигнувъ скрытыя батареи; вся роща была наполнена пѣхотою. Мои 4 орудія молчали. Я берегъ выстрѣлы. Егерская бригада, имѣя впереди себя стрѣлковъ, спустилась съ высотъ нашихъ батарей, колоннами пошла атаковать рощу; въ это время пріѣхалъ на мою батарею генералъ на красивой

лошади, которая не совсѣмъ мирно стояла подъ выстрѣлами, а генералъ хладнокровно и со вниманіемъ разсматривалъ позицію, я подошелъ къ нему, погладивъ лошадь, выразился:

— «Бригада эта идетъ въ лѣсъ, чтобы атаковать; но я навѣрное полагаю, что недостаточно послать одну бригаду противъ сильнѣйшаго въ лѣсу непріятеля, жаль, что не знаю, гдѣ находятся въ это время мои начальники, а то послалъ бы испросить позволеніе поддержать атаку моими орудіями, тѣмъ болѣе, что при начатіи боя, при наступленіи нашихъ войскъ, батарея моя, которая до сей минуты на этомъ пунктѣ была необходима, теперь безполезна—даже молчитъ».

«А какъ ваша фамилія, молодой человѣкъ?» спросилъ меня генералъ, бывшій въ шинели и фуражкѣ.

— «Багговутъ».

«А, вы тотъ самый, котораго я прикомандировалъ къ артиллеріи, вы сынъ Ѳедора Ѳедоровича, ибо у друга моего Карла Ѳедоровича не было дѣтей».

— «А съ кѣмъ я имѣю честь говорить?»

«Я—Толь и потому дайте мнѣ руку; идите сейчасъ съ орудіями, поддержите атаку, Богъ съ вами, но держитесь, въ случаѣ не успѣете, до крайности, васъ поддержитъ фланговымъ огнемъ резервная артиллерія, идите скорѣй съ Богомъ».

Взявъ на передки, рысью сталъ на близкомъ разстояніи отъ лѣса предъ широкимъ рвомъ. Пѣхота предупредила меня, вошли стрѣлки съ пальбою, а баталіоны съ крикомъ ура въ лѣсъ, начали работать штыками. Не прошло четверти часа, какъ стали выводить изъ лѣса раненныхъ и какъ это часто бываетъ, при нихъ люди, которымъ полезнѣе было со штыкомъ работать въ рядахъ товарищей. Правильная атака, перешедшая въ частныя дѣйствія, даже въ одиночный бой, когда офицеры не могутъ наблюдать за солдатами, особенно атака въ лѣсъ, гдѣ нѣтъ точки, но которая назначена для овладѣнія—всегда трудна, даже опасна для атакующаго; это случилось при первой атакѣ Гроховскаго лѣса. Вслѣдъ за ранеными стали отступать и это отступленіе превратилось въ бѣгство; по несчастью, солдаты, въ безпорядочномъ бѣгствѣ, изъ чувства самохраненія бѣжали прямо на батарею, закрывая собою дѣйствія орудій. Махая платкомъ, я кричалъ раздаваться вправо и влѣво, а между тѣмъ непріятель шелъ по пятамъ; тогда нечего было дѣлать, я открылъ огонь ядрами и гранатами, а потомъ уже картечью на самое близкое разстояніе. Непріятель остановился, ибо фланговыми выстрѣлами резервной артиллеріи съ правой стороны въ 30, а съ лѣвой въ 18 орудій поражали непріятеля, который отошелъ въ лѣсъ. Наши баталіоны стали

формироваться за батареею, получили подкрѣпленіе, пошли снова въ лѣсъ, а мнѣ оставили въ прикрытіе баталіонъ Брестскаго пѣхотнаго полка. Вторая атака въ рощу была неудачнѣе первой, ибо поляки, понявъ, что угрожаютъ пункту, свои позиціи подкрѣпили резервами; бой горѣлъ страшнымъ образомъ, долго работали; выстрѣловъ ружейныхъ не слышно было, крикъ, командныя слова, вопли, да трескъ деревъ отъ нашихъ ядеръ! Казалось все идетъ хорошо; но вдругъ на краю лѣса стали сгущаться наши войска и въ совершенномъ безпорядкѣ бросились на мои орудія. Видя невозможность держаться, я бросилъ орудія, а съ передками и ящиками отступилъ. Поляки не долго пользовались своимъ восторгомъ: взявъ 4 орудія, они не могли ихъ увезти, широкій и глубокій ровъ мѣшалъ этому предпріятію; пока они возились съ ними, наши баталіоны, будучи вторично подкрѣплены свѣжими войсками, атаковали, взяли обратно орудія;— ядрами провожалъ ихъ до опушки лѣса, куда поляки выдвинули сильную батарею. Пространство между нами было такъ мало, что картечь не дѣйствовала надлежащимъ образомъ, что заставило меня посылать въ дуло орудія ядро и зарядъ картечи,—это, правда сказать, опасное средство имѣло хорошій результатъ. Въ это время ядро, пролетѣвъ подлѣ меня, свалило меня съ ногъ; я былъ контуженъ въ лѣвый бокъ, а вскорѣ послѣ того ружейная пуля, отскочивъ отъ шины колеса орудія, подлѣ котораго стоялъ, ударила меня въ локоть; боль была невыносимая, но непродолжительная.

Послѣ второй атаки наша кирасирская дивизія пошла въ атаку отъ нашей позиціи по правой сторонѣ рощи; движеніе это угрожало полякамъ, въ лѣсу стоящимъ, быть отрѣзанными отъ главныхъ своихъ силъ; чтобы удержать наше движеніе съ фронта, они усилили огонь своихъ батарей преимущественно на мои 4 орудія, дабы атакою прорвать нашъ центръ и заставить насъ обратить вниманіе на угрожаемый намъ пунктъ. Въ это время ближняя картечь ударила меня въ лѣвую ногу на одну четверть ниже пояса; я упалъ; казалось кость раздроблена, но какъ поляки готовились атаковать въ третій разъ, то не хотѣлъ оставить ввѣренную мнѣ позицію: шелковымъ носовымъ платкомъ перевязалъ или перетянулъ рану, дабы остановить сильное теченіе крови и какъ двѣ мои лошади были убиты, то подвели мнѣ строевую, на которую мнѣ трудно было сѣсть по слѣдующимъ причинамъ: на мнѣ были большіе сапоги, нога не входила въ солдатское стремя, при томъ садиться съ лѣвой стороны, а лѣвая нога была сильно ранена, надобно было при помощи людей, (которые уговаривали идти на перевязочный пунктъ), садиться съ правой стороны; въ это самое время цѣпь застрѣльщиковъ подвинулась впередъ для атаки, я получилъ

ударъ ружейною пулею на 30-ти шагахъ въ голову близь праваго уха; ударъ былъ такъ силенъ, что я сѣлъ на колѣни, языкъ отнялся, я успѣлъ перекрестить батарею и лишился чувствъ.

Что происходило вокругъ меня—не знаю. Говорили мнѣ послѣ товарищи, когда отнесли меня на перевязочный пунктъ, что слѣдовало идти мимо фельдмаршала, который на курганѣ наблюдалъ за ходомъ сраженія, тогда графъ Дибичъ-Забалканскій снялъ фуражку и поклонился моему трупу, ибо я былъ мертвъ; его высокому примѣру послѣдовала вся свита [1]).

VIII.

Страданія отъ ранъ.—Операціи.—Привозъ въ г. Венгровъ.

1831 г.

Въ моей біографіи разсказываютъ, что я лежалъ между мертвыми, это правда, т. е. послѣ первой медицинской помощи, которая состояла въ томъ, что приложили къ ранѣ кусочекъ корпіи, меня положили на песокъ, гдѣ не было снѣгу; люди, которые меня принесли на перевязочный пунктъ, были пѣхотные солдаты изъ прикрытія изъ разныхъ полковъ; они сдѣлали свое дѣло и ушли назадъ. Наша армія подвинулась впередъ, роща была взята, мы очутились въ Прагѣ и на берегу Вислы, въ такомъ случаѣ передовой первый перевязочный пунктъ слѣдуетъ за движеніемъ войскъ и дѣлается подвижнымъ; я остался между многими моими товарищами, которые были мертвы.

Въ большихъ сраженіяхъ, какова битва Гроховская, которая поглотила и выбила изъ строя съ обѣихъ сторонъ, какъ у насъ, равно и у поляковъ, 26 тысячъ человѣкъ, невозможно при всѣхъ средствахъ доставить удобства раненымъ, такъ и со мной случилось.

Наступила ночь. Битва стихла. Я лежалъ между мертвыми. Солдатъ, прослужившій болѣе 15-ти лѣтъ во фронтѣ, сдѣлался моимъ слугою, моимъ деньщикомъ (поступилъ рекрутомъ изъ крестьянъ Пензенской губ.). Зиновій Галкинъ былъ типъ изъ деньщиковъ, проворный на всѣ руки, камердинеръ, кучеръ, поваръ, даже прачка, сильный, здоровый, что касается до нравственности, то не очень честный, не очень трезвый, за то имѣлъ ко мнѣ необыкновенную привязанность, любилъ и берегъ меня какъ зеницу своего ока. Уже во время боя Зиновій пошелъ съ закускою меня провѣдать; долго бродилъ онъ съ

---

[1]) Разсказъ фл.-ад. ротмистра графа Протасова, впослѣдствіи ген.-ад. и оберъ-прокурора святѣйшаго синода. А. Ѳ. В.

солдатикомъ моей батареи меня отыскивая, и послѣ долгаго времени, уже подъ вечеръ, нашелъ между трупами, обнаженнаго, безъ всякаго признака жизни. Оставалось только предать меня землѣ, но онъ хотѣлъ, какъ послѣ говорилъ, чтобы меня похоронили съ церемоніею. Съ помощію нѣсколькихъ солдатъ отнесли меня въ резервъ; у бивачнаго огня пришелъ я въ чувство, помню, что невыносимо было холодно, въ особенности зябла голова; меня укрыли лошадиными попонами и шинелями отъ убитыхъ солдатъ. На слѣдующее утро сдѣлали носилки и понесли безчувственнаго въ такъ называемый походный лазаретъ. Дорогою, по неотступной просьбѣ Зиновія Галкина, не совсѣмъ трезвый цирульникъ за одинъ червонецъ перочиннымъ ножикомъ вырѣзалъ мнѣ пулю изъ головы, которая раздробивъ подлѣ шва затылочной части черепъ, сдѣлала три трещины и застряла въ одной изъ нихъ. Эту операцію дѣлаютъ съ большою осторожностью, съ разными инструментами опытные хирурги, но милость Всемогущаго Бога выше искусства человѣка: съ Его помощію перочиннымъ ножемъ пьяный полковой цирульникъ подъ часъ сдѣлаетъ операцію лучше медика!

Полевой лазаретъ или операціонный пунктъ есть мѣсто ужаса и страданій; отдаю полную справедливость гг. медикамъ за ихъ знаніе, заботливость, но они люди, они съ горяча примутся рѣзать, но какъ операціи продолжаются нѣсколько дней съ ряду, на невыгодныхъ мѣстахъ, безъ удобствъ, то простительно, если послѣ огромнаго кровопролитнаго сраженія нашъ братъ раненый не найдетъ постоянный покой. Гдѣ все взять, какъ все это устроить! Не всегда сражаются по близости главныхъ городовъ, гдѣ иногда все, но не скоро можно найти. При томъ устройство полевыхъ лазаретовъ подвержены разнымъ условіямъ, какъ то послѣ боя, въ надеждѣ на слѣдующій день продолжать сраженіе съ наступленіемъ или обратно и т. п. Этотъ самый примѣръ условій случился послѣ Гроховской битвы.

Поляки, бывъ оттѣснены за Вислу, вошли въ Варшаву. Мы заняли Прагу. Кровопролитное Гроховское сраженіе не имѣло 13-го числа рѣшительнаго результата и потому въ надеждѣ штурмомъ или капитуляціею овладѣть Варшавою, полевые лазареты были занимаемы въ ближайшихъ отъ поля битвы мѣстахъ.

Я попалъ въ большую Ваврскую корчму, которая до занятія лазаретомъ переходила изъ рукъ въ руки, слѣдовательно кромѣ сѣрыхъ стѣнъ—ничего. Когда меня внесли въ большую комнату, на столѣ дѣлали операцію; тутъ же подлѣ дверей лежали два моихъ товарища л.-гв. Егерскаго полка Муспицкій и баронъ Кедрицъ, мѣста не было. Надобно дожидаться вакансіи на мѣсто умершаго

и очереди быть перевязаннымъ. Не помню, что со мною дѣлали, но я былъ перевязанъ и положенъ на вакантное мѣсто. Дабы имѣть порядокъ въ лазаретѣ, то запрещаютъ офицерской прислугѣ, безъ особенныхъ приказаній медиковъ, входить къ господамъ своимъ. Ухаживаютъ, сколько силъ достаетъ, цирульники, потому больной кромѣ страданій часто мучится жаждою и т. п. Я пролежалъ цѣлую ночь (сутки) въ безпамятствѣ, къ вечеру сталъ приходить въ себя, отъ движеній сосѣда моего, уланскаго офицера, который въ предсмертныхъ мукахъ безпокоилъ меня. Помню, что я поднялся на ноги, имѣлъ столько силъ, чтобы оставить соломенное ложе. Мнѣ было душно. Мнѣ было гадко. Я хотѣлъ умереть подъ открытымъ небомъ. Дежурный цирульникъ вывелъ меня въ другую комнату тяжело, но не смертельно раненыхъ; изъ нихъ многіе сидѣли на скамейкахъ у столовъ въ перевязкахъ, пили чай. Между ними былъ бывшій адъютантъ цесаревича Константина Павловича Вейсъ. Я его не зналъ, но онъ принялъ во мнѣ участіе, напоилъ чаемъ, приказалъ цирульнику положить на ложе. Я отъ напряженія лишился чувствъ, но когда пришелъ въ себя, то не могъ избавиться отъ свинцовой руки, которая давила мою грудь: рука эта была моего бѣднаго сосѣда, уланскаго офицера, онъ метался, бился, охалъ, бредилъ, наконецъ умеръ, бросивъ свою руку на мою грудь, какъ бы пригвоздивъ меня къ землѣ; ночь эта была—ночь ужаса отъ стоновъ умирающихъ.

На другое утро полковникъ Вейсъ взялъ меня съ собой въ мѣстечко Станиславово, гдѣ былъ устроенъ отличный лазаретъ въ загородномъ домѣ графа Замойскаго. Мнѣ стало какъ бы легче, даже хорошо, явился апетитъ. Въ полдень дивизіонный докторъ изъ поляковъ г. Грабовскій, перевязавъ мнѣ рану, спросилъ имѣю-ли родственниковъ; на отвѣтъ, что жива мать, братъ и другіе родные, онъ посовѣтывалъ мнѣ воспользоваться теперешнимъ моимъ положеніемъ, пока не явилось воспаленіе, ибо головная рана смертельна, что (онъ) долженъ сдѣлать перевязку, во это не облегчитъ меня. Вейсъ былъ при этомъ и ужасно сердился на откровенность Грабовскаго; тотчасъ послалъ въ главную квартиру къ ген.-ад. Нейдгардту, котораго просилъ увѣдомить, что я живъ и чтобъ онъ о моемъ состояніи сообщилъ въ Петербургъ родственнику моему, графу В. О. Адлербергу.

Посланный явился съ письмомъ отъ Нейдгардта въ Венгровъ къ губернатору генералу Пинобелю, а медику приказаніе—отправить меня немедленно въ Венгровъ. Дабы тотчасъ исполнить приказаніе, меня съ нѣкоторыми другими ранеными посадили въ пустую сухарную фуру, еще по старому образцу запряженную четырьмя лошадьми съ бича. Въ такомъ невыгодномъ для меня экипажѣ проѣхалъ цѣлыя

сутки по мерзлой землѣ, по лѣсистой дорогѣ. На первыхъ верстахъ ужасно я страдалъ, но потомъ, слава Богу въ безпамятствѣ, доѣхалъ до станціи. Тутъ Зиновій уложилъ меня, плакалъ надо мной и по просьбѣ моей не сажать меня болѣе въ сухарную фуру, а оставить спокойно на мѣстѣ умереть, онъ обѣщался выполнить мою просьбу, вслѣдствіе чего сухарная фура съ ранеными пошла далѣе, а я остался съ Зиновіемъ и однимъ солдатомъ батареи, которому оторвало три пальца на правой рукѣ. Не помню сколько прошло времени, но Зиновій, изъ любви и привязанности ко мнѣ, желая, сколь возможно, удобнѣе сухарной фуры доставить меня до Венгрова, рѣшился на отчаянное дѣло. Ни за какія деньги нельзя было добыть какого-нибудь экипажа; жители по близости отъ Венгрова удалились въ сей городъ, забравъ все съ собою; въ деревняхъ, гдѣ жили польскіе помѣщики, все оставалось на мѣстахъ, но перевозочныхъ средствъ не было. Какъ я уже послѣ узналъ, Зиновій распорядился слѣдующимъ образомъ. Неизбѣжно во время войны, вслѣдъ за арміею, бродятъ собаки, въ ложныхъ странахъ чекалки, надъ арміею вороны, ястреба и орлы, а въ Польшѣ—жиды; эти собаки, эти вороны вездѣ даже впереди арміи, даже между воюющими арміями. У польскихъ жидовъ страсть пріобрѣтать до того велика, что всякій изъ нихъ предлагаетъ свои услуги быть шпіономъ и (вызывается на) другія опасныя должности; правда, народъ этотъ полезный, но за то какъ часто при малѣйшемъ подозрѣніи и плутовствѣ или висѣлица, пуля въ лобъ или казачья нагайка служатъ наградою за обманы. Съ движеніемъ нашихъ войскъ на Варшаву жиды стали подвозить къ арміи всевозможные продукты, большею частью дурные, а которые продаваемы были за огромныя деньги. Зиновій отправился въ лѣсъ, черезъ который, пользуясь снѣговою дорогою, жиды пробирались на саняхъ, остановилъ пару лошадей, скатилъ бочку съ водкою, какая участь постигла жида—умолчимъ; но я съ помощію Зиновія и солдата доѣхалъ на саняхъ по голой землѣ, на соломенномъ ложе, довольно спокойно и благополучно до Венгрова, прямо съ письмомъ къ генералъ-губернатору. Письмо было отъ Нейдгардта, оно сохраняется при моихъ бумагахъ въ оригиналѣ:

«М. г. Смертельно раненый л.-гв. Московскаго полка поручикъ Багговутъ отправленъ мною въ Венгрово для пользованія; рекомендую вашему превосходительству храбраго молодого человѣка, въ которомъ, какъ близкій знакомый, принимаю живѣйшее участіе; всепокорнѣйше прошу употребить все, что во власти вашей, чтобы сохранить его для отечества и его родныхъ. Поручите Багговута

надзору опытнаго хорошаго медика; издержки, вами для него дѣлаемыя, беру на себя. Увѣдомляйте по временамъ о состояніи его ранъ и все для Багговута сдѣланное приму какъ за знакъ лично сдѣланнаго мнѣ одолженія. Александръ Нейдгартъ, генералъ-адъютантъ, оберъ-квартермейстеръ большой дѣйствующей арміи».

IX.

Страданія.—Операція.—Докторъ Андрей Шлегель.—Выздоровленіе.

Г. Пинобель помѣстилъ меня въ занимаемой квартирѣ въ домѣ аптекаря въ третьемъ этажѣ, три комнатки въ мезонинѣ. Состояніе моихъ ранъ было неглижировано первоначальными перевязками; я былъ въ памяти, по ночамъ бредилъ. Докторъ зондировалъ головную рану, нужнымъ нашелъ раскрыть ее губкою, напитанной какимъ то составомъ, которая вбирала въ себя матерію и расширяла рану. Это мучительно до такой степени, что у меня дѣлались судороги въ пальцахъ обѣихъ ногъ. Я рѣшительно вооружился противъ моего доктора, вслѣдствіе чего сдѣлали консиліумъ—предложили мнѣ операцію, на которую согласился.

Послѣ одиннадцати дней, отъ 13-го до 25-го февраля 1831 г., насталъ страшный для меня день. Сильное здоровое мое тѣлосложеніе заставило медиковъ 24-го пустить мнѣ изъ обѣихъ рукъ кровь, къ затылку поставили піявки. 25-го утромъ собрались медики операторъ Шлегель и другіе, разложили инструменты, подняли меня съ постели, посадили на стулъ съ большою спинкою. Операторы, видя мое хладнокровіе и рѣшимость, стали хвалить мою твердость, шутили во время приготовленія, а какъ одинъ молодой медикъ болѣе другихъ хлопоталъ около меня, то я спросилъ его фамилію, узналъ, что онъ родной племянникъ знаменитому Шлегелю, воспитанникъ Виленской академіи, Андрей Андреевичъ Шлегель; въ эту минуту я полюбилъ молодого Шлегеля, сказалъ хочу, чтобы онъ мнѣ дѣлалъ операцію.

— «Хорошо, провозгласили доктора, выборъ хорошъ; онъ искусенъ, рука твердая, мы будемъ ему помогать».

Но когда, бинтами и полотенцами приступили меня привязывать къ стулу, который внизу держали два фельдшера, то я опять сказалъ: «не хочу, чтобы меня привязывали».

— «Какъ угодно, сказали доктора, мы будемъ васъ баловать, хотя васъ и слѣдуетъ привязать, ибо, какъ мы васъ предупредили, согласились на трудную и опасную операцію, которая можетъ, при

отличной комплекціи вашей, спасти васъ отъ гроба, но надобно сидѣть смирно».

Мой операторъ далъ мнѣ въ ротъ двѣ пробки; руки, не взирая, что наканунѣ мнѣ пустили кровь, закинули за стулъ; присутствовавшіе доктора схватили меня за руки, а фельдшера за ноги. Въ одно мгновенье Шлегель вложилъ въ головную рану зондъ съ желобомъ, сдѣлалъ разрѣзъ; таковыхъ было сдѣлано всего 4,—потомъ отдѣлили кожу отъ черепа, очистили рану отъ осколковъ черепа и сдѣлали полутрепанацію, все это продолжалось болѣе 6 минутъ, но какъ двѣ артеріи, артерія Oesipitalis superferiores и артерія inferiores при началѣ операціи были перерѣзаны, то онѣ ушли подъ кожею, надобно было ихъ щипчиками вытянуть и шелкомъ перевязать; операція продолжалась 9 минутъ безъ хлороформа—онъ еще не былъ извѣстенъ.

Съ Божіею помощью все это выдержалъ; меня обмыли, похвалили, успокоили, уложили въ постель.

Къ общему удивленію всѣхъ присутствующихъ я просилъ, чтобы мнѣ дали хорошо покушать, апетитъ былъ фальшивый, помню, что скушалъ кусокъ бѣлаго хлѣба и варенья, да стаканъ воды съ лимонною кислотою. Обыкновенно послѣ такой огромной операціи потребно три дня нагноенія раны; но какъ нагноеніе головной раны воспослѣдовало очень быстро, явилась лихорадка; для уменьшенія жара и бреда поставили піявки; нагноеніе сдѣлалось такъ быстро и такъ обильно, что рѣшились приступить къ первой перевязкѣ послѣ операціи до трехъ дней.

Съ этого времени началась настоящая опасность на счетъ моей жизни. 40 дней я былъ между жизнью и смертью, ежедневно утромъ Андр. Андр. Шлегель, входя въ комнату, спрашивалъ у Зиновія: живъ ли я? Гробъ мой стоялъ въ сосѣдней комнатѣ; перевязка утромъ и вечеромъ была въ родѣ операціи. Не стану входить въ подробности, скажу только, что мало чувствовалъ, ибо все время почти былъ въ безпамятствѣ, а когда вышелъ изъ опасности, то кромѣ благодарности къ Андрею Андреевичу я нашелъ въ немъ образованнаго человѣка, съ которымъ сдружился, доказывая тѣмъ, что ежедневно у меня обѣдалъ, а вечеромъ послѣ госпитальныхъ трудовъ за стаканомъ чаю передавалъ мнѣ событія и военныя наши дѣйствія противъ поляковъ.

Генералъ Пинобель посѣщалъ меня ежедневно. Флигель-адъютантъ шт.-ротм. князь Василій Андреевичъ Долгорукій, инспектируя госпитали, часто у меня бывалъ; посѣщала меня бѣднаго раненаго и хозяйка дома аптекарша, присылала иногда своихъ дѣтей, чтобы развлечь меня. Положеніе было трудное, мрачное, пролежать три

мѣсяца въ темной комнатѣ почти въ центрѣ военныхъ дѣйствій было тягостно. Сдѣлались пролежни, я исхудалъ ужасно, ослабѣлъ до крайности, до того, что если я для развлеченія брался гребнемъ расчесывать большое количество для ежедневной перевязки корпіи, то вскорѣ дѣлалась зѣвота и я засыпалъ сномъ младенца.

Состояніе моихъ ранъ.....

Александръ Ѳед. Багговутъ.

Примѣчаніе. На этомъ мѣстѣ обрываются собственноручныя записки воина-героя, А. Ѳ. Багговута. Скромный столько же, сколько онъ былъ храбръ, Багговутъ не желалъ печатать свои воспоминанія при жизни. Объ этомъ свидѣтельствуетъ собственноручная его надпись на обложкѣ, въ которой сохранились выше напечатанныя тетради: „дозволяю печатать послѣ моей смерти. Багговутъ".

Онъ умеръ, какъ сказано выше, въ нашемъ предисловіи, въ С.-Петербургѣ, въ 1883 г. Ред.